

*И.В. Побережников**

Проблема структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации

Данный обзор посвящен концептуальным схемам, объясняющим механизмы перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу. В частности, рассмотрена классическая модель структурно-функциональной дифференциации, получившая окончательное оформление в работах Н. Смелзера; показано изменение представлений о роли и месте структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации, связанное с осознанием необходимости исторического отношения к принципу дифференциации в качестве источника модернизации; рассмотрена концепция дифференциации/интеграции (работа Я. Мураками); показан переход от дихотомического представления, согласно которому в процессе перехода от традиционности к современности происходит полная перестройка и замена прежних социальных структур новыми, к более «мягкому» и историчному, предусматривающему возможность постепенного многовариантного вращивания традиционных структур в модернизированное социальное пространство.

На протяжении второй половины XX в. в рамках модернизационной парадигмы сформировался значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу. В целом модернизационной парадигме присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий традицию и современность, оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей. При этом модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, прошла длительный путь совершенствования¹. В рамках

* *Побережников Игорь Васильевич* — кандидат исторических наук (Институт истории и археологии Уральского отделений РАН, Екатеринбург).

¹ См.: Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960; Apter D. *The Politics of Modernization*. Chicago, London, 1965; Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York; London, 1965; Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, 1966; Levy M.J. *Mod-*

парадигмы модернизации было разработано множество теоретико-методологических и дисциплинарных подходов, призванных объяснять различные аспекты процессов развития.

Классическая версия структурно-функциональной дифференциации (Н. Смелзер)

Большую популярность в рамках модернизационного подхода получила модель структурно-функциональной дифференциации, призванная объяснить механизм перехода от традиционного к обществу модерна. В рамках данной модели процессы структурной и функциональной дифференциации трактуются как неизбежные, «естественные». Сторонники данной модели признают возможность некоторого замедления, торможения или даже временной приостановки модернизации, которая, тем не менее, все равно в конце концов должна найти продолжение (для этого необходимо лишь выявить и устранить, минимизировать воздействие тормозящих структурно-функциональную дифференциацию факторов).

В основе теоретической схемы, предложенной в середине XX в. для объяснения процессов модернизации, лежал дихотомический принцип, радикальное противопоставление традиционного («агрикультурного») и современного («индустриального») обществ, параметры которых обычно описывались как диаметрально противоположные (например, Ф. Саттон, М. Леви)¹. Предполагалось, что в ходе модернизации происходит полная перестройка общества, касающаяся его институциональных и социокультурных основ.

Подобный дихотомический подход формировал крайне пессимистический взгляд на перспективы использования интегративных механизмов, существовавших в традиционном обществе, в процессе модернизации. Традиционные институты и ценности рассматривались в качестве барьеров, которые в ходе модернизации должны подвергнуться эрозии, мутации, трансформации. Проблема барьеров модернизации получила широкую разработку в литературе. Возможно, наиболее детальную инвентаризацию препятствий переменам в социальном, культурном и психологическом аспектах предпринял американский социолог Джордж М. Фостер. Последний выделил три типа барьеров: *социальные* (групповая солидарность: взаимные обязанности в рамках семьи, фиктивное родство (fictive kin),

ernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y., 1975. Также см.: Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black. N.Y.; L., 1976. P. 30–31.

¹ Sutton F.X. Social Theory and Comparative Politics // Comparative Politics: A Reader / Ed. by H. Eckstein, D. Apter. N.Y., 1963. P. 67; Idem. Analyzing Social Systems // Political Development and Social Change / Ed. by J.L. Finkle, R.W. Gable. N.Y.; L.; Sydney, 1966. P. 24–25; Levy M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Readings on Social Change / W. Moore, R.M. Cook. Englewood Cliffs, 1967. P. 196–201.

дружественные связи, малые группы, общественное мнение, клановые «разборки», статусные интересы; устоявшиеся местные авторитеты: семейные, политические, неординарных личностей; кастовые и классовые барьеры и т.д.), *культурные* (ценности и ориентации: традиции, фатализм, культурный этноцентризм, чувства гордости и достоинства, нормы скромности, локальные ценности; структура культуры: логическая несовместимость культурных характеристик и непредвиденные последствия планируемых инноваций; моторные образцы и привычные телесные позиции) и *психологические* барьеры, относимые к категории межкультурного восприятия (восприятие характера власти, отношение к подаркам, дифференциации ролей и т.д.; коммуникативные трудности: языковые, демонстрируемые предупреждения об опасности и т.д.; проблемы переобучения и т.д.)¹.

Вызовы модернизации по отношению к традиционным социальным единицам выступали как разрушительные. Модернизация, сопровождавшие ее интенсификация социальной мобилизации и социально-структурные сдвиги понимались как процессы, в ходе которых «кластеры старых социальных, экономических и психологических обязательств подвергаются эрозии и разрушению, и появляются новые модели социализации и поведения» (Ш. Эйзенштадт, Э. Десаи).

Для описания процесса перехода от традиционного к индустриальному, современному обществу была предложена концептуальная схема *структурно-функциональной дифференциации*. В основе данной схемы лежала идея разделения труда Э. Дюркгейма, которой был придан всеобъемлющий социетальный характер в работах Т. Парсонса 1950–1960-х гг. Согласно Т. Парсонсу, развитие общества может быть измерено в понятиях «общей адаптивности» человечества к условиям внешней среды. Он доказывал, что достижение большей адаптивности возможно путем увеличения функциональной дифференциации социальной системы или организации².

Окончательное оформление схема структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации получила в трудах Нейла Смелзера³. Н. Смелзер определяет структурную дифференциацию как процесс, посредством которого «одна социальная роль или организация... дифференцируется в две или более роли или организации, которые функциони-

¹ См.: Foster G.M. Traditional cultures and the impact of technological change. N.Y.; L., 1962; Также см.: Пандей Р. Критика западоцентризма в теориях модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост., ред. и автор вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1999. С. 469; Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, 1989. P. 255–277.

² Parsons T. Societies — Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs, 1966; Idem. A Functional Theory of Change // Social Change: Sources, Patterns, and Consequences / Ed. by A. Etzioni, E. Etzioni E. N.Y., 1973. P. 78–86.

³ См.: Smelser N. Toward a Theory of Modernization // Social Change. P. 268–284; Idem. The Modernization of Social Relations // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P. 110–121.

руют более эффективно в новых исторических условиях»; «новые социальные единицы структурно различны, но в совокупности являются функциональным эквивалентом первоначальной (неразделенной. — *И.П.*) социальной единицы»; т.е., согласно Н. Смелзеру, это переход от многофункциональной ролевой структуры к набору более специализированных структур¹.

Смелзер предлагает рассматривать структурную дифференциацию широко, не ограничивая ее лишь технологической специализацией. По мнению ученого, структурная дифференциация тесно связана с социальным процессом модернизации в целом; данная связь обнаруживает себя в том, что для каждой социальной функции можно подобрать определенный набор структуральных условий, при наличии которых достигается оптимум в ее обслуживании.

Таким образом, модель структурной дифференциации позволяет представить модернизацию как процесс приобретения структурной независимости социальными функциями. Традиционные социальные единицы, по мнению Н. Смелзера, выполняли множество разнообразных функций. По мере же модернизации возникают специальные социальные единицы для сепаратного осуществления социальных функций.

Использование модели структурной дифференциации позволяет продемонстрировать, как в процессе модернизации происходит трансформация традиционных социальных структур — семьи и общины. Так, согласно Н. Смелзеру, традиционная семья, имевшая усложненную структуру (большая и многопоколенная, включавшая родственников, живущих под одной крышей), выполняла множество функций, была многофункциональной. Она отвечала не только за репродукцию и эмоциональную поддержку, но и за производство (домохозяйство), образование (неформальная родительская социализация), социальное благополучие (забота о старших), отправление религиозных потребностей.

В процессе модернизации семья подвергается структурной дифференциации. Существенно упрощается ее структура: происходит переход от расширенной семьи к небольшой по размерам, нуклеарной; ослабевает влияние и контроль со стороны стариков и родственников. Модернизированная семья освобождается от выполнения множества социальных функций, которые прежде реализовывались в рамках традиционной семьи, и, таким образом, сама становится более специализированной социальной единицей.

Вероятно, один из наиболее важных субпроцессов модернизации связан с отделением экономической деятельности от семейных, родственных связей и зависимостей. В традиционных обществах функция производства осуществляется преимущественно в родственных коллективах — домохо-

¹ См.: Smelser N. Social Change in the Industrial Revolution. Chicago, 1959. P. 2; Idem. Toward a Theory of Modernization... P. 271.

зяйствах; преобладает потребительское сельское хозяйство; прочие виды производства, например, промыслы, играют вспомогательную роль и обычно размещаются в рамках семьи и деревенской общины. Последние являются также основным местом осуществления операций обмена (реципрокного) и потребления, лишь в незначительной степени выходящих за границы семьи и селения (например, стратификационная редистрибуция в соответствии с кастовой принадлежностью; выплата налогов, дани, принудительный труд, осуществляемые в рамках политической системы). Таким образом, в условиях традиционного общества товарно-денежные отношения развиты слабо, роль денег как дирижера экономического развития, регулировавшего потоки товаров и услуг, была невелика.

В процессе модернизации начинается отделение производственных функций от семьи (домохозяйства) и общины. Внедрение товарных культур в сельском хозяйстве содействовало дифференциации между социальными контекстами производства и потребления; распространение наемного труда в аграрной сфере подрывало основную производственную единицу традиционного общества — семейное домохозяйство.

В сфере промышленности Н. Смелзер, опираясь на работу Ж. Боека¹, выделяет несколько фаз (уровней) дифференциации: 1) домашняя промышленность, существующая параллельно с потребительским аграрным производством для обеспечения собственных потребительских нужд трудящегося; 2) ремесленное (кустарное) производство, связанное с разделением производства (вероятно, на заказ) и потребления (при этом нередко потребление локализуется в пределах той же сельской общины); 3) рассеянная промышленность (мануфактура) связывается Смелзером с дифференциацией между потреблением и поселением (продукция производится на рынок, для анонимного потребителя; путь от производителя до потребителя опосредуется оптовым торговцем, который аккумулирует в своих руках сырье, необходимое для изготовления конечных товаров); 4) мануфактурное и фабричное производства, осуществляющие окончательное отделение работника от капитала и зачастую от семейства.

Определенный интерес представляет сопоставление схемы структурной дифференциации в промышленности Смелзера–Боека и фаз перехода от феодального к индустриальному обществу, разработанных в рамках концепции протоиндустриализации. Последняя явилась итогом поиска аграрных корней процесса индустриализации и обсуждения развития промышленного производства (обычно в сельской местности) в период, предшествующий промышленному перевороту. Само понятие *протоиндустриализации* было введено Ф. Мендельсом в начале 1970-х гг.; его исследование взаимоотношений между крестьянскими домохозяйствами и текстильной промышленностью во Фландрии послужило моделью для многих последующих

¹ Boeke J.H. The Structure of the Netherlands Indian Economy. N.Y., 1942. P. 90.

работ. Важными вехами в разработке концепции протоиндустриализации стали коллективный труд геттингенской группы «Индустриализация до индустриализации» (П. Кридте, Х. Медик, Ю. Шлюмбом) и сборник «Производство в городе и в деревне» английских ученых (М. Берг, П. Хадсон, М. Соненшер). В 1980-е — 1990-е гг. вклад в развитие концепции протоиндустриализации внесли экономические историки из университета Упсалы (Швеция). Сторонники концепции протоиндустриализации акцентировали свое внимание на проблемах расширения рынка, взаимодействий между городом и деревней, между аграрным и промышленным секторами, а также между демографическим поведением и менявшимся материальным положением трудящихся. Ю. Шлюмбом предложил идентифицировать несколько этапов в процессе протоиндустриализации, используя в качестве критерия проникновение капитала в сферу производства с целью получения прибыли. Предложенная им схема также может быть интерпретирована в терминологии структурной дифференциации; при этом дифференцирующим фактором выступает капитал, постепенно присваивающий различные компоненты процесса производства и оттесняющий непосредственного производителя (в дальнейшем данная схема была детализирована шведским исследователем А. Флореном, рассмотревшим динамику отношений власти-контроля над элементами производства со стороны производителя и не-производителя). Согласно Ю. Шлюмбому, в ходе протоиндустриализации выделяются этапы: 1) простого товарного производства (производитель приобретает свое собственное сырье, владеет орудиями производства и готовой продукцией, полностью распоряжается как собственным трудом, так и оставшейся рабочей силой домохозяйства; он продает результаты своего труда на рынке за деньги, которые использует для приобретения нового сырья и потребительских товаров; целью производства является потребительская стоимость); 2) «кауфсистем» (капитал вступает во взаимодействие с производителем путем приобретения у него готовой продукции для ее дальнейшей продажи на удаленных рынках; данная фаза характеризуется установлением первых контактов между производством и обращением (капиталом); при этом производство еще играет решающую роль); 3) «путтин-аут-систем» или «ферлагсистем» (на данной стадии капитал выходит за пределы обращения, то есть торговли, и усиливается процесс его проникновения в сферу производства; торговец, становящийся поставщиком сырья производителю, превращается в «путтера»; в некоторых случаях «путтер» становится владельцем орудий труда, которыми пользовались сельские ремесленники, в результате чего последние постепенно превращались в работников, вынужденных продавать свой труд за часть стоимости); 4) мануфактура централизованная (на данной стадии происходит централизация производства в одном производственном центре — капиталистической мануфактуре; ныне владелец капитала осуществлял контроль над производителями, которые уже не могли самостоятельно продавать товары и были вынуждены продавать свой

труд; данная модель давала возможность капиталисту начать за счет интенсификации разделения труда модификацию производственного процесса, ликвидируя его ремесленнические корни). Реагируя на замечания оппонентов по поводу телеологического характера предложенной схемы, Ю. Шлюмбом утверждал, что ее следует рассматривать в качестве тренда, не отрицающего возможности других маршрутов динамики. Фазы Ю. Шлюмбома сопоставимы с уровнями структурной дифференциации Смелзера–Боека. Так, простое товарное производство Шлюмбома соответствует домашнему и ремесленному производству Смелзера–Боека; «кауфсистем» и «путтин-аут-систем» находят соответствие в рассеянной промышленности Смелзера–Боека; наконец, последние фазы обеих схем (мануфактурное производство) совпадают почти зеркально¹.

Итак, производственная функция в значительной степени делегируется предприятиям и учреждениям; члены семьи покидают домохозяйство (а нередко и свою деревенскую общину) в поисках трудоустройства на рынке рабочей силы семья, таким образом, постепенно перестает быть производственной единицей.

Процессы дифференциации одновременно охватывают и сферу обмена. Обмен товарами и услугами все в большей степени опосредуется рынком; рыночные (денежные) механизмы экономического развития вытесняют прежние традиционалистские (религиозные, политические, семейные, кастовые регулятивы), что способствует относительной автономизации экономической системы.

Функция формального обучения переходит к школе; роль ученичества в рамках семьи понижается. Правительство берет на себя функции социальной защиты стариков, инвалидов, нетрудоспособных и т.д. Семья, освободившаяся от множества прежних функций, концентрируется на обеспечении эмоциональной поддержки и социализации.

Каждое из социальных учреждений (институтов), взявших на себя выполнение какой-либо из функций, прежде реализуемых в рамках традиционной семьи (или общины), создает собственную властную структуру, собственный комплекс поведенческих норм, системы поощрений и наказаний. Каждый институт специализируется на выполнении одной функции, и в совокупности они выполняют эти функции более качественно, чем это делала прежде семейная структура. Соответственно, считал Н. Смелзер,

¹ О концепции протоиндустриализации см.: Mendels F. Proto-industrialization: the 1-st part of the Industrialization Process // *Journal of the Economic History*. Vol. XXXII. № 1. 1972; Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. *Industrialization before Industrialization*. Cambridge, 1981; Berg M., Hudson P., Sonenscher M. *Manufacture in Town and Country before the Factory*. Cambridge, 1983; *Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период*. Екатеринбург, 1992; *Iron-making societies: early industrial development in Sweden and Russia, 1600–1900* / Ed. by M. Agren. Oxford, 1998.

модернизированное общество характеризуется более высокой производительностью труда, более качественной системой обучения и более совершенной системой социального обеспечения по сравнению с традиционным обществом. Таким образом, структурная дифференциация, согласно схеме Н. Смелзера, подрывает традиционные социointegrативные механизмы.

Смелзер утверждает, что хотя структурная дифференциация расширяет функциональные возможности институтов, одновременно она создает проблему интеграции, т.е. координации деятельности разнообразных новых институтов. Так, традиционный институт семьи в значительной степени избавлял от необходимости интеграции. Множество функций, таких как экономическое производство и защита, выполнялось внутри самой семьи. Дети работали в домохозяйстве и зависели от семьи, которая обеспечивала им защиту.

Однако в современном обществе остро стоит проблема координации, например, активности институтов семьи и экономики, поскольку подростки вынуждены искать работу за пределами семьи. Существует также проблема координации деятельности институтов семьи и защиты (охраны прав), поскольку семья уже не может больше защищать своих членов от несправедливости на месте работы. По мнению Смелзера, в современных обществах возникает потребность в новых институтах и ролях, которые бы координировали вновь возникшие дифференцированные структуры. Например, для того, чтобы облегчить поиск работы, необходимы такие институты, как бюро трудоустройства или системы газетных объявлений, которые координировали бы деятельность институтов семьи и производства. Для защиты работников от злоупотреблений со стороны работодателей были созданы такие организации, как профсоюзы, призванные выполнять функции защиты прав.

Тем не менее, даже после этого проблема интеграции все равно не может быть решена вполне удовлетворительно, рассуждал далее Н. Смелзер. Во-первых, существует проблема конфликта ценностей. Новая структура может иметь набор ценностей, отличных и находящихся в состоянии конфликта с ценностями старых структур. Новые агентства, например, биржи труда, могут действовать, исходя из принципа аффективной нейтральности, в то время как семья по-прежнему придерживается принципа аффективности социальных отношений. Дети, выросшие в семье, могут испытывать трудности в процессе адаптации к отличным ценностным системам, господствующим в сфере трудоустройства или на производстве. Во-вторых, существует проблема неравномерности развития. Поскольку институты развиваются с разными скоростями, возможна ситуация, когда необходимые институты еще не появились, в то время как потребность в них назрела. Например, вероятное явление — отсутствие профсоюзов, призванных защищать интересы трудящихся, при том, что злоупотребления со стороны работодателей имеют место. По мнению Смелзера, социальные беспорядки

как раз и являются следствием недостатка интеграции новых дифференцированных структур.

Используя концептуальные рамки структурной дифференциации, проблем интеграции и социальных конфликтов, Смелзер, таким образом, продемонстрировал, что модернизация отнюдь не обязательно протекает как гладкий и гармоничный процесс.

Для ранней (классической) школы модернизации было присуще несколько упрощенное понимание перехода от традиционного к индустриальному обществу. Целью модернизации объявлялось приближение к характеристикам экономически развитых и относительно стабильных наций (подразумевались США и развитые страны Западной Европы). Сущность модернизации сводилась, таким образом, к имитации и переносу западных моделей, товаров и технологий в менее развитые страны. Соответственно, модернизация рассматривалась как процесс гомогенизации сообщества, порождающий тенденции и импульсы к конвергенции. Ранней парадигме модернизации было присуще жесткое противопоставление традиционного и рационального экономического поведения, отношение к традиционным институтам и обычаям как к препятствиям развития общества. Модернизация трактовалась как процесс трансформации, подрывающий и вытесняющий традиции, в том числе традиционные формы общежития (семья, сельское сообщество). Традиция рассматривалась как архаичное, отмирающее явление, неспособное противостоять современным формам жизни и вступать с ними в симбиоз. При этом традиция характеризовалась как застывшая, статичная форма, динамика которой может быть вызвана только внешними обстоятельствами и вопреки природе самого традиционного общества.

Пересмотр классической концепции структурно-функциональной дифференциации в современных модернизационных штудиях

Уже в 1960-е гг. построения представителей ранней школы модернизации стали подвергаться критике с разных теоретических и идеологических позиций. Принципиально изменилось вообще отношение к традиции, которая стала рассматриваться в качестве неотъемлемого элемента любой социальной структуры — как социальной организации в целом (независимо от того, принадлежит она традиционному или современному обществу), так и ее каждого отдельного элемента (С. Эйзенштадт). Постепенно пришло осознание того, что в модернизирующихся обществах существует множество взаимосвязей между традиционностью и современностью в социальной, экономической, политической сферах. Мишенью критики стал тезис о несовместимости традиции и модернизации. Прежнее убеждение о неизбежной конфликтности между традицией и инновацией в свете новых данных стало выглядеть абстрактным и не подтверждаемым фактами. Оппоненты сделали попытку более внимательно и глубоко проанализировать сами эти традиции.

Получила развитие концепция так называемых переходных систем (модель парциальной, или частичной модернизации), причудливо сочетающих элементы традиции и современности и вполне жизнеспособных. Было признано, что в развитии переходных систем присутствует своя собственная логика, обусловленная в значительной степени традициями; что переходным обществам присуща способность к реорганизации и непрерывности, разработке собственной внешней и внутренней политики, обеспечивающей их жизнедеятельность.

Итак, в целом в литературе произошел отказ от прежнего представления о модернизации как линейном процессе вестернизации (европеизации) и гомогенизации обществ, переживающих модернизацию. Процесс модернизации стал рассматриваться, скорее, как «перманентная революция, не имеющая предустановленной конечной цели» (Дж. Джермани). Была признана возможность многовариантного перехода от традиционного к современному обществу; получил распространение взгляд, согласно которому в процессе модернизации сохраняется значительная национальная специфика, а в результате сложного взаимодействия между традициями и новациями разнородность модернизирующихся обществ даже увеличивается. Отныне традиция и современность уже не рассматривались как взаимоисключающие концепты. В исследованиях 1970-е — 1990-х гг. традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой. Соответственно, получила распространение точка зрения о совместимости с современным, модернизированным обществом различных форм организации в социальной сфере, поскольку они допускают необходимые перемены в типе личности, социокультурных нормах, социальных отношениях и институтах. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным аспектам социальной жизни (народные религии, семейственность)¹.

* * *

Вопрос о месте и роли механизма структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации был существенно пересмотрен в ста-

¹ См.: Apter D.E. The Politics of Modernization. Chicago, L., 1965. P. 81; Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago, 1965; Gusfield J.R. Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // Social Change. P. 333–341; Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. N.Y., 1973; Patterns of Modernity. Vol. I: The West / Ed. By S.N. Eisenstadt. L., 1987; So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 60–87; Редфилд Р. Большая и малая традиции // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 200–201; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 69–70.

Об эволюции теоретических представлений о месте традиции в процессах модернизации также см.: Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. М., 1985; Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 170–207.

тье Я. Мураками, посвященной японскому варианту перехода от традиционного к индустриальному обществу¹. Ученый утверждает, что любое человеческое общество основано на двух главных принципах — принципах интеграции и дифференциации. При этом автор отмечает, что в теориях модернизации до сих пор внимание акцентировалось на дифференциации в ущерб понятию интеграции. Я. Мураками указывает на относительное значение дифференциации как показателя прогресса. Дело в том, что, с одной стороны, необходимо учитывать цену реинтеграции подсистем новой социальной системы, возникшей в результате дифференцирования прежней системы. Функциональная эффективность системы, как отмечает Я. Мураками, в целом улучшится или ухудшится в зависимости от того, будет ли выгода дифференциации превосходить или уступать цене реинтеграции. Я. Мураками приводит исторические примеры чрезмерного, избыточного дифференцирования (бесчисленные субкасты (джати) в Индии; сложившаяся в рамках британской традиции рабочего движения трудовая организация по типу ремесленных союзов). Автор, таким образом, доказывает, что большая дифференциация системы не всегда способствует росту ее адаптивного потенциала — точнее, эффект увеличения адаптивности может быть произведен лишь соответствующим комбинированием дифференциации и интеграции.

Я. Мураками подчеркивает существенную роль в процессах модернизации механизмов интеграции. Например, выделение экономической и политической подсистем в результате дифференциации общества было значимым процессом на ранних стадиях капиталистической индустриализации, но все это сопровождалось — фактически предшествовалось — политической интеграцией, становлением «национального государства», развитием современной бюрократии. Модерное (или индустриальное) общество, таким образом, должно быть охарактеризовано двумя противодействующими силами: тенденцией дифференциации, отделением экономики от государства, ростом разделения рабочей силы, с одной стороны, и тенденцией интеграции в национальное государство, сопровождающейся бюрократизацией, — с другой.

Более того, Мураками предлагает в целом рассматривать эволюцию человеческих обществ как процесс, подталкиваемый силами дифференциации и интеграции, сосуществующими и вступающими в постоянное взаимодействие. Исследователь выделяет в истории человечества эпохи доминирования сил дифференциации или интеграции. Так, период от неолитической революции до становления протоцивилизаций характеризуется, по мнению ученого, превалированием тенденции дифференциации (Мураками имеет в виду, в первую очередь, «выделение» различных организационно-

¹ Murakami Ya. Modernization in Terms of Integration: The Case of Japan // Patterns of Modernity / Ed. by S.N. Eisenstadt. London, 1987. Vol. II: Beyond the West. P. 65–88.

управленческих единиц — от клановых структур до чифдома, царства и теократии). Эпоху исторических цивилизаций или «осевого времени» (по терминологии К. Ясперса), включающую греко-римскую, индскую и китайскую цивилизации, Я. Мураками рассматривает как период, в течение которого тенденция интеграции доминировала над силами дифференциации, что, по его мнению, может объяснить очевидную стагнацию этих исторических образований. Тенденция дифференциации вновь возобладала в Европе примерно в XVI в. в процессе индустриализации. Однако данный процесс, как подчеркивает Я. Мураками, не может осуществляться без некоторого уровня постоянных интегративных усилий¹.

В эпоху индустриализации тенденция дифференциации наиболее отчетливо проявляется в экономической системе, в то время как первоначальным и окончательным рычагом для интеграции выступала политическая система. Именно хронологическая последовательность политической интеграции и индустриального взлета отличает модернизирующиеся общества друг от друга. В связи с этим Я. Мураками выделяет два региональных типа модернизации. Первый тип нашел воплощение в Англии и многих бывших британских «белых колониях», особенно в Соединенных Штатах Америки, где политическая интеграция предшествовала индустриальному взлету. Такая положительная синхронизация обеспечивала, как иллюстрирует пример Англии, наиболее типичный, эволюционный, автономный рост базирующейся на развитых рыночных отношениях индустриализации в относительной гармонии с парламентской демократией. В этом англо-американском случае основной аксиомой для социального развития выступал принцип «laissez-faire», т.е. невмешательства государства в сферу экономики.

В случае более поздних европейских последователей модернизации типа Германии, Франции, Италии политическая интеграция отставала если не по форме, то по существу от индустриализации. Процесс политической интеграции должен был совпадать с процессом «догоняющей» индустриализации. Соответственно, в этом континентальном варианте государство не только осуществляло прямое вмешательство в экономику с целью ускорения процессов развития, но и развитие самой политической системы неоднократно прерывалось, заканчиваясь в некоторых случаях перестройкой системы². В незападных обществах соотношение между политической интеграцией и индустриализацией было, как полагает Я. Мураками, еще менее благоприятным.

Существенное внимание ученый уделяет интеграции на так называемом промежуточном уровне. Дело в том, что любое индустриальное общество по своей природе является крупномасштабным и сложным. Национальное государство создает рамочную структуру, а рыночный

¹ Ibid. P. 73.

² Ibid. P. 73–74.

механизм и парламентская система выступают в качестве обычных инструментов для координации разнообразных интересов в пределах этой структуры. Однако зачастую данных механизмов оказывается недостаточно, чтобы интегрировать многообразные интересы и мнения. Следовательно, по мнению исследователя, любое крупномасштабное общество нуждается в определенной интеграционной системе на промежуточном уровне (организация между обществом в целом и минимальной базовой единицей вроде семьи).

Хорошо известно, что в доиндустриальных обществах каждая сельскохозяйственная община играла, по существу, интегративную роль в качестве промежуточной организации. Однако, этим пред-современным организациям преимущественно была присуща аскриптивная ориентированность (то есть они базировались на родственных отношениях или привязке к земле) и «диффузность» (отсутствие специализации). Следовательно, такая промежуточная организация аграрного общества не обладала возможностями модифицироваться в ключевую организацию индустриального общества типа фирмы, бюрократических институтов, которые должны были быть функционально рациональными (то есть ориентированными на достижение) и функционально-специализированными. Другими словами, организационная традиция в большинстве случаев при переходе от традиционного к современному обществу должна была прерываться.

Японское общество, по мнению Я. Мураками, в этом отношении представляло исключение. Японская история разработала уникальную промежуточную организацию — это общность *йэ* (буквально — домашнее хозяйство), которая была диффузной, подобно сельским общинам в других обществах, но в то же время для нее была характерна ориентация на достижение. Первоначально *йэ* являлась военной (самурайской) организацией, возникшей в восточной Японии в XI в. Восточная Япония в то время была пограничной территорией, где контроль со стороны центрального правительства был неэффективным, а большинство земель еще не обрабатывалось. Военные столкновения были частыми, иногда они выражались в восстаниях, направленных против центрального правительства в Киото. Только сплоченная организация, обладающая достаточной способностью к самообороне, а также к производству продовольствия, могла выжить в такой пограничной ситуации. Таким образом, некоторые самураи организовывали свои поместья, объединяя группы людей, составленных из родственников, слуг и крестьян. В подобной организации все члены, включая воинов и крестьян, должны были сотрудничать как в ирригации, так и в военном деле: воины непосредственно управляли сельским хозяйством и особенно ирригационными работами и распределением воды, в то же время крестьяне были заняты в военных действиях в качестве пехотинцев.

«Тесное сотрудничество среди всех членов, от вершины до основания, неполное отделение военных профессионалов от земледельцев, и сильное чувство внутригрупповой однородности являлось характерной особенностью этой японской общности, представляющей контраст по сравнению с европейским аграрным обществом, в котором военные профессионалы (рыцари или феодалы) и крестьяне были уже четко отделены к VIII столетию и феодалы культивировали свой отчетливо отличный образ жизни», — заключает Я. Мураками¹.

При этом автономия или независимость каждой *йэ*-организации была намного большей по сравнению с сельскими общинами в Европе. Например, судебная власть в пределах каждой *йэ* была полностью сосредоточена в руках главы этой организации. *Йэ* развивалась на протяжении нескольких столетий. Будучи первоначально небольшой по размерам, со временем она разрасталась, пока не появилась сменившая ее большая и более сложная организация *дайме*. При этом в процессе эволюции, как подчеркивает Я. Мураками, основной образец *йэ* поддерживался путем «репликативного расширения». Суммируя характеристики *йэ*, сохраненные в течение этого процесса, Мураками сводит их к следующим:

1. Коллективная цель: преемственность и расширение группы, которая символизировалась непрерывной последовательностью лидеров группы.

2. Членство: «kintractship» (термин, объединяющий родство — «kinship» и контракт), что означает, что никто не должен оставлять организацию, если он/она выбрали ее; фактически основные члены были в значительной степени связаны родством. Однако приняты были и другие методы рекрутирования на работу способных новых членов, помимо родственных связей.

3. Баланс иерархии/однородности: все члены были организованы в иерархическую структуру, главной целью которой прежде всего была военная эффективность. В то же время однородность среди членов подчеркивалась, чтобы сохранить солидарность группы — через ряд мер типа содействия продвижению по службе, ритуала поклонения предкам (точнее, поклонения основателю *йэ*) и т.д.

4. Автономия: группа выполняла все функции, необходимые для ее сохранения, т.е. аграрное производство, военные, судебные и другие функции².

Отличительной особенностью *йэ* была присущая ей ориентация на достижение, обусловленная ее военизированным характером. Каждая *йэ* должна была всегда быть готовой к предупреждению вторжения со стороны соседей. Таким образом, в начале индустриализации японцы уже достаточно привыкли к ориентируемой на достижение организации.

При этом Я. Мураками отмечает, что адаптация принципа *йэ*-типа к современной экономической организации стала видимой лишь на второй

¹ Ibid. P. 80–81.

² Ibid. P. 81.

стадии индустриализации, то есть после Первой мировой войны. На рубеже XIX–XX в. индустриальный мир в целом входил в эпоху «организованного капитализма». В период классического капитализма XIX в. организационный принцип не мог играть существенной роли.

Именно в XX в. организованный капитализм востребовал организационную традицию Японии, разработанную в предшествующее время. В 1920-х гг. индустриальная структура в Японии сделала большой сдвиг по сравнению с прежней системой. Тогда же возникла «японская система управления», характеристики которой корреспондируют с характеристиками *йэ*-организации:

1. Вечное продолжение и расширение: стремление избегать ликвидации фирмы любой ценой и избегать увольнения рабочих.

2. *Kintractship*: пожизненная занятость, то есть рабочий остается в фирме до предписанного срока отставки; склонность принимать на работу новых дипломированных специалистов.

3. Баланс иерархии/однородности: продвижение как в заработной плате в зависимости от статусного роста. Акцент на обучение на рабочем месте в маленьких групповых модулях. Высокая профессиональная подвижность в пределах каждой фирмы (поддерживаемая обучением на рабочем месте). Низкий барьер между «беловоротничковыми» и «синеворотничковыми» рабочими.

4. Автономия: система благосостояния внутри фирмы. Фирменные профсоюзы. Ограниченное влияние акционеров¹.

* * *

Примером реализации нового подхода к изучению места и роли в процессе модернизации традиционных социальных структур может служить работа Сиу-Лун Вонга² (1988 г.), которая начинается с критики классической модернизационной интерпретации роли традиционной китайской семьи. В классической литературе по проблемам модернизации китайская семья рассматривалась как мощный традиционалистский фактор, который стимулировал nepotism (кумовство), ослаблял трудовую (рабочую) дисциплину, мешал свободному рыночному выбору труда, растворял индивидуальные стимулы к накоплению, блокировал рационализацию и модернизацию, тормозил появление универсалистских деловых норм. В результате классические исследователи модернизации пропагандировали отказ от традиционных китайских семейных ценностей с целью обеспечения экономического роста в Китае.

¹ Ibid. P. 83.

² Wong Siu-Lun. The Applicability of the Asian Family Values to Other Sociocultural Settings // In Search of an East Asian Development Model / Ed. by P.L. Berger, M. Hsiao Hsin-Huang. New Brunswick, 1988.

Однако, Вонг доказывает, что отрицательный экономический эффект традиционных китайских семейных ценностей был чрезмерно преувеличен. Изучая влияние семьи на внутреннюю организацию китайских предприятий в Гонконге — особенно в сфере патерналистской идеологии и практики менеджмента, непотистской системы обеспечения занятости и в области семейной собственности, — Вонг демонстрирует, что традиционная семья оказывает положительное воздействие на экономическое развитие.

Во-первых, Вонг исследует практику патерналистского управления на предприятиях Гонконга. Изучение прядильных предприятий продемонстрировало наличие своего рода «индустриальных патриархов, которые осуществляли плотное управление, избегая применения силы, используя меры материального поощрения работников, действуя как моральные охранители своих подчиненных». Вонг указывает, что метафора семейства обеспечивает уже готовую культурную риторику, чтобы узаконить патрон-клиентские отношения между предпринимателем и работником. В экономическом плане этот доброжелательный (выгодный) патернализм помогает предпринимателю привлекать и сохранять рабочих в отраслях промышленности с высокой флуктуацией производства. В политическом отношении последствие патернализма заключается в том, что он тормозит рост классового сознания среди рабочих. Вонг утверждает, что когда патернализм работает, недовольство рабочих чаще выражается в форме индивидуальных действий типа абсентеизма и увольнения, чем в коллективных действиях по достижению соглашений и в забастовках.

Во-вторых, кумовство — предпочтение нанимать родственников на предприятие, — как считает Вонг, — также может способствовать успеху фирм Гонконга. Вообще, по его мнению, большинство китайцев приглашают родственников на работу лишь как последний резерв. В действительности родственники составляют крошечную часть персонала в «непотистских» компаниях. С другой же стороны, для маленьких предприятий члены семейства поставляют надежную и дешевую рабочую силу. Есть основание полагать, что семья, родственники будут готовы работать более интенсивно и за меньшую плату, что позволит укрепить конкурентоспособность фирмы в период спада. Если члены семейства исполняют организаторские (менеджерские) функции, китайские предприниматели вообще заботятся, чтобы дать им формальное образование, а также обучать на рабочем месте. Поэтому, утверждает Вонг, администраторы-родственники редко бывают посредственными служащими с низкими способностями.

В-третьих, Вонг обращается к обсуждению проблемы семейной собственности. Он отмечает, в частности, что в 1978 г. почти 60% маленьких фабрик в Гонконге принадлежало индивидуальным владельцам и их семействам. Автор указывает, что принцип патрилинейного наследования результировался в прочности семейных предприятий. Даже если раздел семейства происходил, он скорее приобретал форму разделения прибыли, а

не физической фрагментации семейного предприятия. В связи с этим Вонг утверждает, что конкурентоспособные силы китайских семейных фирм весьма значительны: «Там существует намного более сильная степень доверия среди членов «*jiā*» [семьи], чем среди не связанных родственными отношениями деловых партнеров; проще достигается согласие; потребность во взаимном контроле минимизируется. Указанные факторы дают семейным фирмам большие возможности для адаптации в ходе их деятельности. Они могут принимать быстрые решения в ситуациях, когда быстро меняются обстоятельства, и обеспечивать большую секретность, поскольку в меньшей степени обращаются к письменным отчетам. В результате, они особенно хорошо приспособлены выживать и процветать в ситуациях, связанных с высоким уровнем риска».

Вместо третируемого семейственности как чего-то противоположного экономическому развитию Вонг приводит доводы в пользу экономически динамичного этоса «предпринимательского фамилизма». Этот этос включает семейство как основной модуль экономической конкуренции, обеспечивающий стимулы к принятию рискованных решений и внедрению новшеств. Кроме того, Вонг доказывает, что данный этос существует не только среди предпринимателей, но и повсюду в гонконгском обществе.

Предпринимательский фамилизм, по мнению Вонга, имеет ряд характеристик. Первая — высокая степень централизации в принятии решений, но при одновременно низкой степени формализации организационной структуры. Вторая — высокая оценка автономии и предпочтение само-занятости. Самому стать собственным боссом, как утверждает Вонг, — типичный идеал как администраторов, так и рабочих в Гонконге.

Если семейство играет такую положительную роль в Гонконге, почему оно оказалось не в состоянии реализовать свой потенциал в прошлом в континентальном Китае? Для Вонга ответ на данный вопрос лежит в плоскости внешней социополитической обстановки, в которой обитало семейство. Хотя семья является и была экономически активной силой, в прошлом она, вероятно, по его мнению, в значительной степени контролировалась (и ограничивалась) государством, озабоченным задачей интеграции, и специфическими экологической и экономической средами, которые отличались крайней неравновесностью. В Гонконге же эти внешние ограничения со стороны государства и среды были удалены, поскольку Гонконг управлялся колониальным государством, которое не конкурировало с семейством за талант. Именно благодаря этому, по мнению Вонга, в условиях Гонконга семейству удалось реализовать свой потенциал двигателя экономического развития. Подводя итоги, Вонг критикует классических теоретиков модернизации за то, что они не заметили динамической роли китайской семьи в обеспечении экономического прогресса. Их склонность видеть только острую дихотомию между европейским универсализмом и китайским партикуляризмом не позволила им понять роль семейства.

Вонг полагает, что европейский опыт капиталистического развития вряд ли будет копироваться в Китае; напротив, отличная от европейской, модель китайской социальной структуры обязательно приведет к своеобразному типу модернизации. Далее Вонг предостерегает, что китайский фауилизм может также отличаться от своих корейских и японских аналогов из-за различий в социальных структурных контекстах¹.

Наблюдения социологов по поводу семейных отношений в современной Японии, добившейся во второй половине XX в. огромных успехов в модернизации, индустриализации, урбанизации также подтверждают положение о сложном характере взаимодействия традиций и новаций в данном процессе. «Японская семья, — пишет Н. Глэйзер, — несомненно изменяется; но для развитой страны она все еще поддерживает замечательную стабильность, в основе которой лежит постоянство ценностных моделей». Сопоставляя семейные отношения в США и Японии послевоенного периода, американский социолог С.М. Липсет подчеркивает непрерывность традиционных элементов, характерную для японской семьи данного периода. В частности, отмечаются низкий уровень разводов; традиция совместного (или соседского) проживания взрослых детей с престарелыми родителями, которые пользуются неизменным уважением и получают поддержку от детей; более тесная связь, по сравнению, например, с Северной Америкой, подрастающих детей с родителями, которая выражается в стремлении первых длительное время оставаться под родительским кровом².

В целом видение места и роли структурно-функциональной дифференциации традиционных социальных структур в рамках модернизационной парадигмы претерпело существенные модификации. Пришло осознание необходимости исторического отношения к принципу структурно-функциональной дифференциации в качестве источника модернизации. Действие последнего имело временные и пространственные ограничения и специфические черты. Структурно-функциональная дифференциация вряд ли может трактоваться как единственный, абсолютный механизм модернизации. Некорректна абсолютизация процессов дифференциации в ущерб процессам интеграции. Произошел переход от дихотомического представления, согласно которому в процессе перехода от традиционности к современности происходит полная перестройка и замена прежних социальных структур новыми, к более мягкому и историчному, предусматривающему возможность постепенного многовариантного вставания традиционных структур в модернизированное социальное пространство.

¹ Wong Siu-Lun. Op. cit. P. 134–154. Также см.: So A.Y. Social Change and Development... P. 63–65.

² Lipset S.M. Binary Comparisons. American Exceptionalism — Japanese Uniqueness // Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance / Ed. by M. Dogan, A. Kazancigil. Oxford; Cambridge, 1994. P. 184–186.